

Максим Хирный

Власть предназначений

Роман

16+

Максим Хирный

Власть предназначений

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хирный М.

Власть предназначений / М. Хирный — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Перестройка и кризис девяностых годов. Не успев окрепнуть, хрупкие социалистические ценности раздавлены эпохой перемен. Но фундамент уцелел, благодаря чуткой работе наших учителей. Их педагогическое призвание спасли дружбу, культуру, семейные ценности, помогли юному поколению поверить в себя в условиях новой России.

Рождается внезапная строка,
За ней встаёт немедленно другая,
Мелькает третья ей издалека,
Четвертая смеётся, набегая.
И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда – не сочиняю.
К. Д. Бальмонт.

Предисловие

Эта история закончилась ночью, в те часы, когда людям снятся сны. Обычный сон, почти как у каждого мужчины. Яркий, чувственный, картинный. Было потрясающе. Ты управляла психологией, как обычно создавая лёгкую доминирующую атмосферу, а я пытался управлять желаниями. Не обошлось без странностей сновидений. Когда ехал к Тебе немного заблудился и оказался на маленьком ухоженном кладбище, похожим на место в самом центре «Сочи парка». Вторая странность – ты бросила мне презерватив, я спросил, почему он как пакет? «Да откуда я знаю, надевай быстрее!». И третья – когда Ты разделась, оставила на себе лишь белые носочки с розовыми и красными сердечками. Сны всегда приходят со странностями. Наслаждение было осязаемым, как наяву. Будто откинула всю мишуру отношений и Тобой овладела интуиция. Ты сразу призналась, что даже думать не можешь ни о чём другом, даже на работе. И об этом шептала, притянув за края рубашки. Приблизив губы совсем близко, добавила: «Раздевайся полностью, у тебя красивое тело». Ты долго и нежно целовала меня, одновременно вкладывая в мою ладонь прозрачный пакет. Полиэтиленовый листик дрожал в руке, его ждали тяжёлые испытания. Оценив про себя женское чувство юмора, тщетно попытался пристроить его без складок. Постелив на пол что-то большое, теплое, мягкое, Ты начала раздеваться, держа меня на привязи своего возбужденного взгляда. Голова моя кружилась от запаха волос, мысли терялись в дизайне новой прически, отвлекаясь от Твоего красивого тела. Осознавая свою красоту, Ты хотела чтобы в нашей жизни это было лучшей встречей из тех, что были и когда либо будут. Удерживая своей страстью моё возбуждение, откинула меня на спину и оказалась сверху. В первые секунды я ничего не соображал. Чувства, ощущения и желания не успевали за Тобой. Ты уже прикрыла глаза, погружаясь в бесконечность, а я всё ещё думал о разорванной дорожкой блузке. Ты уже перебирала построением тел, маняще изгибаясь в талии и притягивая мои бедра – а я думал об этих досадных складках на пакете, которые будут всё портить. Я начал было говорить о каких-то сантиментах, о наших чувствах, отношениях, расстоянии; а Ты продолжала двигаться, жарко и шумно дышать, с наслаждением выгибаться, пытаясь ввести меня в свой резонанс. Наконец я догнал Тебя! Весь мир исчез, осталось только Твоё тело и невероятные ощущения, усиленные любовью. Природа ликовала своим предназначением. Эта новая реальность во сне разбудила меня. Смакуя послевкусие пробуждения, я подумал – к чему бы этот сон? А ну конечно, канун праздника – четырнадцатое февраля. Я ошибся. Маленький символ, случайно осевший в ладони наступившим утром, перелистал все страницы памяти. В одну секунду время растянулось и оборвалось, знания смешались с фантазиями экзотическим напитком и наполнили созерцание новым вкусом. Словно я сыграл шахматную партию белыми фигурами и теперь очередь играть чёрными. Даже сон изменил свой смысл.

Глава первая.

Знакомство

День прекрасный. Солнце греет сквозь голубое небо, припекает, почти кусает. Досрочная весна решила сегодня поздравить всех влюбленных. Купив каждому по шоколадному пончику, с отличным настроением развожу детей по местам их временного заточения. И вот последний, младший, разрезая весенний воздух неповоротливыми зимними сапогами, мчится к двери

садика. На асфальте под ногами, прямо в глаза, что-то ярко блеснуло. Ну, здравствуй, дружище – это ты. Буквально вчера я вдруг подумал о тебе. Я придумал приятный сюрприз, а Она, в ответ на подаренные эмоции, невольно вспомнила о тебе и соединила наши имена. Твоё имя и моё, как два напарника, хорошо выполнивших свою работу. «Дружище, было чертовски приятно получить от Неё такую похвалу!» – начал я говорить. В руках у меня сверкал серебряный крестик. На нем Иисус как обычно, умирая, спасал весь мир. Видимо, кто-то из детишек обронил, и теперь ты пустишься странствовать по земле. С тобой приятно говорить о Ней. Ты понимаешь меня так же, как понимает Она. Она также дорога мне, как и ты. Мне казалось, с Ней я одно целое. Будь я девушкой, я был бы Ей, будь Она парнем, была бы как я. Иногда Она называет меня «чокнутым», и таким я ей нравился. Пусть лучше смеётся, комедии лучший жанр нашей жизни. Но ведь Она сама такая же! Посуди сам, дружище: опершись на толстое серое колено, залезла на индийского слона в красивом пёстром сари, натянула на лоб фетровую шляпу и светится счастливой улыбкой; а вот ещё – туфли на высоком каблуке глухо застучали по дереву медицинской кафедры, хорошее настроение добавляло бодрости и легкости, а ребенку и подавно легко – он ещё был совсем невесомым восьмимесячным плодом. Малыш, услышав мамин голос, стал дергать ручками, а аудитория в ответ приветствовала его, пока Ты переводила дыхание, прикоснувшись к нему ладонью. А это путешествие в Грозный? Она вообще нормальная, вдруг кто-то из джигитов влюбится в Неё с первого взгляда и увезет в горы. Такое случается с людьми – у любви нет национальности. Ты знаешь, дружище, Эта девушка подарила мне тебя. Я рос в рабочей советской семье и совершенно далёк был от религии. Учеба в университете поставила на ней крест, точнее не учеба, а пятьсот лет кровавой инквизиции, про которую я узнал во время учебы. Для меня не остаётся сомнений в том, что нет разницы между тем: веришь ты или нет. Мудрость создателя идеальна, он любит нас абсолютной безусловной любовью, ему не нужны наши молитвы, храмы и рясы, ведь он же не честолюбив. Зачем ему кого-то наказывать или прощать. Он подарил нам жизнь и свободу, поэтому в Библии, где рассказывается о его жестокостях, больше легенд, чем реальных событий. Вообще, если честно, я склоняюсь к теории Дарвина и вытекающих из неё последствий в обе стороны эволюционного движения жизни. Но в судьбе любого человека есть моменты, когда без тебя, дружище, никак.

Красивая молодая девушка в больнице ухаживала за своим смертельно больным ребенком. Она была с такими нежными притягательными чертами лица, что я называл её про себя «лермонтовской» Беллой. Прижимая к своей груди кожаный кулон, она делилась с нами своими тревогами. Я поинтересовался: «Как он действует?». В своей простой манере, с трудом подыскивая правильные русские синонимы, она объяснила, что это наподобие наших открыток – мы ставим их на тумбочки, в свои шкафчики, в салоне машин или вешаем куда-то на стены. Так, с лёгкой руки, эта молодая исламская девушка, превратила для меня все репродукции икон в открытки. За исключением одной.

Друг мой Иисус, случилось это, когда я уже был полностью влюблен в Неё. Влюблен до скрипа в зубах, до белых костяшек в сжатых кулаках, до замираний сердца, до любовной лирики, до ночных ожиданий под окнами, до тяжелых глупых томных взглядов – одним словом, до полного горячего психоза. Одной из Её привлекательных способностей было желание рисовать. Она очень критически относилась к себе, но не настолько чтобы навсегда бросить кисти. И хорошо. Я не знаю, что вдохновило Её нарисовать тебя, друг мой. Как же глубоко и чувственно у Нее это получилось. Красивым телом, руками и ногами, прибитыми к кресту, ты летел сквозь черную пустоту в бесконечность. Невероятными страданиями, освободившись от мирской суеты, забирая боль и страхи с собой, ты нес на кресте смысл своей жизни. Она изобразила тебя так, будто мы смотрим на твою свободу немного сверху. И получилось, что умирая в бесконечности, мы, зрители, стоим над тобой. Какая потрясающая самоотдача, сын

Бога, а простого человека все равно возвышаешь над собой! Этот портрет и стал самой дорогой реликвией в моем сердце. Поэтому мне не нужно ничего и нигде ставить, а тем более к кому-то ходить за спасением. Икона в сердце. Генрих Сенкевич в «Камо Грядеши» поставили точку в моём поиске смысла твоей смерти и смысла религии. В те времена одинокие и бесправные рабы, с тоской, мукой, невероятной болью, но с любовью к тебе, умирали на потеху плебеям. Растерзанные клыками львов, тигров и медведей, сгорая заживо на крестах, умирая под ударами мечей гладиаторов, люди в страшных муках разделяли с тобой свою боль и, умирая, разделяли смерть, придумав в этом для себя спасение и надежду. Только ты в те времена был смыслом и светом обреченных жизней. Поэтому, тот смелый рисунок и стал моей самой дорогой иконой.

Есть еще один человек в моей жизни, который важен для меня, как и ты, дружище. Мои родители не особенно ладили между собой, настоящий советский союз инженера и санитарки, их эмоциональный конфликт отделял нас друг от друга. Что и говорить, мой отец откровенно прятался от семьи на работе, иногда совершенно утопая в вине. Тем не менее, он успел научить многому, находясь рядом. Но мне так не хватало разговоров с ним. О любви, жизни, политике, спорте, женщинах, войне, учебе, смерти, деньгах. Сохранилась в памяти одна единственная беседа о сексе. Потев и стесняясь, показывая картинки, из какой-то книжки для подростков, папа показывал мне что, куда, как и зачем. Я стеснялся, краснел как и он и думал: «Для чего?». Улица мне обо всем давно рассказала. И еще, строго, прямо перед смертью, он говорил об уважении, любви, терпимости и заботе о маме. Вот, пожалуй, все из сохранившихся бесед. Мало. Очень мало. Мой пытливый ум стал искать такого человека, который смог бы поговорить со мной обо всем на свете. Я встретил его. На книжном развале купил двухтомник – его жизнь и творчество. Каждый русский знает его. В каждом городе он стоит в полный рост, украшая своей кудрявой головой главную улицу, названную в честь его имени.

«Пушкин, пожалуйста, к доске!» – вызвал преподаватель математики: «Решайте уравнение!». Мел крошился и скрипел, медленно царапая доску, заполняя чёрное пространство жуткими, таинственными белыми символами. Постоянно оборачиваясь к классу, тревожным взглядом выискивая поддержку, Пушкин решал. Учитель не торопил, пресекая попытки подсказок. Через полчаса, улыбаясь, учитель спросил: «Ну, что Пушкин, каков ответ?». «Ноль, получилось», – выдохнул лицеист. «Пушкин, у Вас в математике все «ноль», идите, садитесь и пишите свои стихи!» – иронично посоветовал учитель. Он сел и продолжил писать, только теперь на русском, французский остался в прошлом. Писать стихи, поэмы, прозу и главное – письма. Письма друзьям, родителям, сестре и брату, начальникам, министрам, императору. И женщинам. Жизнь Пушкина и стала той недостающей беседой. Жизнь полная невероятных событий, дерзких поступков, любви, творчества, поиска денег, слежек, трагедий, борьбы и неисчерпаемым родником русского языка. Каждый говорит: «Пушкин – наше все!» – неосознанно цитируя Аполлона Григорьева. Но никто не говорит, что он был «психом». Он сделал поэзию чистой, легкой и понятной. Он стал номером один – невероятный талант. Для него искусство было высшей ценностью, карточный долг важнее кредита, честь дороже жизни, женщина – высшее существо, семья – своя крепость. Насыщенная огнем жизнь трагически оборвалась в тяжких мучениях. Пушкин стал нашим Спасителем – это так для любого русского. Я абсолютно уверен, ты, дружище, с ним близко знаком. Он, Пушкин, и написал для меня толковый словарь по современному религиоведению: «Сказка о попе и его работнике Балде». Религия превращает человеческие лбы в толоконные, в этом с поэтом не поспоришь. Вот эту книгу я воспринимаю как Библию.

Именно Пушкин научил меня общаться с Ней. Стихами или прозой, но всегда искренне, чувственно и правдиво. Поэтому Она всегда узнает мой голос на бумаге, как отпечатки пальцев в полицейской базе данных. Никто так не понимал меня спустя годы. Только с Ней мне не

нужны компромиссы. Она читала иероглифы моих желаний без словаря. Она оказалась той самой – особенной. Очень хорошо для начала!

Я четко помню первый день появления новеллы в моей жизни. В школьном дворе Юлечка познакомила своих ребят с новенькой. Я смотрел на одноклассницу и не мог себе представить более комичной девчонки. Мне нравились только гусарские усы Её папы, потому, что мой папа тоже носил такие. И дальше провал, голова ничего не помнит. Только иногда воспоминания прорываются сквозь страдания моих друзей, которые вдруг от чего-то влюбились в Нее. Расскажу тебе, дружище, о некоторых.

Наши мамы непринужденно болтали. У них все прошло замечательно. Сегодня женщины подарили стране двух совершенно здоровых малышек. В один год, один день, почти один час. Мы лежали в люльках и громко возмущались произошедшим в нашей жизни изменениям. Одного из нас называли Игорем. Через семь лет два пухляка тащили тяжеленные портфели в первый класс. Каким-то чудом класс оказался не первым, а экспериментальным «нулевым». Нам досталась самая лучшая и опытная советская учительница, дети теперь смогут научиться достойно продолжить самостоятельно честную классовую борьбу, когда вырастут. Через три года самодельные бумажные голуби счастья полетели в будущее, и ад начальной школы для нас закончился. Деспотичность и жестокость сменилась добротой и любовью. Только слепой не видел у нашей новой учительницы, классного руководителя, прекрасных белых ангельских крыльев. Именно эта женщина помогала пережить тяжелые перемены в рухнувшей стране. Она же и познакомила меня и других моих одноклассников с новенькой.

Как сейчас помню, шел 1988 год – год Дракона. А эта новенькая стала Той самой, о которой я сейчас говорю с тобой, дружище. В эти детские годы я помню Её только глазами своих друзей одноклассников. Она с иронией называет их влюбленность мягким печальным прозвищем – «дружба». Я молчу и называю их дружбу гораздо правдивей. Втрескались! Если собрать всех мальчишек, которые с ней «дружили» таким образом и положить их вместе на травку, получится живописная картина Васнецова: «После побоища».

Я не буду рассказывать тебе обо всех, ты и так нас хорошо знаешь. Наверняка, толкаясь, и перебивая друг друга, они просили тебя об одном и том же. В нашем классе постепенно вырисовывалась сильная, закаленная, умная, веселая, практичная, талантливая личность. Учитывая результаты их разговоров с тобой – если и кто-то созрел до таких фантазий в том возрасте; я больше склоняюсь к мыслям, что ты помогал Ей, а не нам. Староста, отличница, ироничная и умная, укладывала наших штабелями. Вытирая пот со лба, она стаскивала тела пронзенных стрелами амура подальше в угол класса и пересаживалась с места на место, чтобы сбивать прицелы восторженных взглядов со своей спины, затылка и аккуратного профиля. Я вспомнил про Игоря, потому что между нами тремя произошел презабавный случай. Понимая, что ты дружище ему совершенно не помогаешь в амурных делах, этот добрый, сильный и большой, простоватый толстяк обратился ко мне за помощью. Он не знал кто сочиняет коварные дразнилки, и как однороддомовца умолял о субсидии.

Живописные горы Архыза окружали детский палаточный городок. Ночи ясные и довольно прохладные. Небо было таким звездным и бесконечным, что не хотелось моргать лишний раз. Светлячки падали одна за другой, и если бы я знал, что на каждую можно загадывать желание, был бы сегодня миллионером. Высокие, стройные сосны невероятно пахли хвоей, выветривая из нас болезни и печали. Большие черные муравьи непрерывно тащили пленных насекомых в свои норки личинкам на ужин. Крупные ручьи справа и слева журчали песни, создавая глубокий стереоэффект, смывая с песком остатки еды с наших мисок. В одной из палаток готовился заговор против девчонок. Темнело. Тоскливый взгляд Игоря впился в мое лицо, преступный шепот раскрывал замысел. Я плохо понимал, чего он хочет, потому, что злился на него и на Нее. Вчерашняя ночь и весь последующий день, благодаря Игорю, были испорчены. А все из-за старосты.

Это случилось под утро, я проснулся насквозь промерзшим. Ворочался в промерзшем древнем спальном мешке, пытаюсь разогнать кровь в окоченевшем теле. Руки тщетно шарили в темноте в поиске одеял, которые вечером я предусмотрительно взвалил на себя в надежде пережить холодную ночь. Одеяла исчезли. Коварный вор определил молодость на гибель в ледяном мраке. Последние остатки теплых мыслей придумали единственный способ спасения. Я начал двигать руками и ногами, будто маленький жук перевернулся на крылья и дергает лапками. Как только меня переворачивало на живот, я принимал прежнее положение на спине и снова дрыгался. Так и заснул, обещая себе днем расправиться с злодеем. Утром, молча и зло искал свои одеяла. Я перерыл весь палаточный городок, сосновый лес, обыскал муравейник с гигантскими чёрными муравьями. Заглянул даже на дно ручья. Тщетно. Придется громко верещать и скандалить с людьми, выставя себя дураком. «Пропали мои одеяла, я обречен, кто вор?!» – дрожал я теперь от злости.

Прежде, чем продолжить, мой друг, я должен рассказать тебе о том, в какую почву сажали зерна воспитания и любви учителя в нашей начальной школе. Почему, закончив третий класс, мы были похожи на маленьких диких кусачих щенков. Буквально три эпизода расскажут тебе о многом. Однажды кто-то из родителей принес в класс записанные на грампластинках речи Ленина на каком-то партсъезде. Пластинка хрипела, шипела и разобрать можно было только одно слово – «товарищи». Через двадцать минут внимание детей совершенно разрушилось, шелест детских голосов постепенно стал пропитывать атмосферу класса. Сильный удар кулака по столу мгновенно остановил наши непоседливые глаза, строгая угроза вернула страх непослушания: «Сейчас вы все будете пересказывать услышанное!» Пластинок было три, примерно по тридцать минут. Пытка Ильичом продолжалась еще час.

Время урока было святым, оно принадлежало только учителю. Строгие замечания постоянно трамбовали детские души. Дисциплина была железная, говорить можно было только ответами на поставленные вопросы. Иначе наказание – замечание, двойка, угол или самое страшное – родители в школу! Ближе к концу урока, Лешка вдруг заплакал. Боясь спросить разрешения, он долго терпел, и вот чуть-чуть до звонка не хватило сил. Брючки были мокрыми. Надул. И теперь прикрываясь руками, он получал за то, что не отпросился. Ага, попробуй, отпросись! Страшно. Помню, я невероятно сочувствовал ему.

Мой добрый дядя привез из Москвы в подарок набор резиновых солдатиков. Красивые черные папуасы воинственно угрожали друг другу игрушечным оружием. Луки, копыя, палки, ножи еле держались в их игрушечных ручках. Как они были живыми! Я любил их как свою личную армию и выбрал двоих лучших воинов, чтобы похвастаться перед ребятами. Черт меня дернул делать это во время урока. Я был схвачен с поличным. Учительница изъела человечков, и вернуть обещала только в присутствии родителей. Кошмар. Но бойцы дороже. Мама сидела перед учителем и выслушивала строгий выговор за сорванный урок. Я думал только о них, о моих воинах. Наконец ящик тумбочки открылся, она вернула их. Но, о горе! – лук и копьё безвозвратно исчезли. Навернулись слезы, и тут же накатил тот самый «псих». Я швырнул их прямо в училку. Примерно также в сердцах, я специально сплюнул в сторону строгой «физички» и затеял революцию, чтобы спрятать свою выходку среди всех учеников нашего класса в средней школе.

Маленький восьмилетний ребёнок, будущий пушкинист, ещё не знал тогда, что действовал по формуле поэта. Бросив самое дорогое в борьбу за справедливость, я потребовал вернуть их обратно только с копьём и луком. Наша Фрекен Бок открыла окно и выбросила солдатиков проходящим мимо мальчикам. Всего зареванного мама вывела меня из класса. Я был строго наказан, остатки коллекции она подарила моему брату. И ведь я ничего не планировал, все получилось внезапно. Вот так наши детские души заколачивали между сосновых досок и хоронили под плинтусом. А наша милая Юлечка, приняв нас с любовью в средней школе, раз-

ламывала доски, вытаскивала на воздух и делала непрямой массаж сердца. А эта новенькая, свободная, веселая – была другой. Делала нам искусственное дыхание. К девятому классу мы превратились в послушных верных рыцарей. Наперебой, отталкивая друг друга, мы тащили на руках раненую в танцах, всю в мозолях от новых туфель, прямо к дому. Ещё и негласно соревновались, кто осилит более длинную дистанцию. Вот имена этих рыцарей: Игорь, Макс, Герыч. Меня же в рыцари так и не посветили.

Да, дружище, должен тебе признаться, все-таки Она была не первой моей любовью. Её опередила другая. Немного расскажу о ней.

Глава вторая: Мои учителя.

Литература.

Легкий сквозняк помог учительнице плотнее прикрыть дверь кабинета. На уроке русского языка я со своим приятелем, Сашкой, затеял орфографическое сражение. По очереди, передавая записки, мы обзывали друг друга бранными словами. По правилам игры слова должны были быть литературными и настоящими. Кто засмеялся, тот и проиграл. Первое замечание – сразу притихли. Снова бранимся, повышая градус фантазий и хитро подмигиваем. Второе замечание с угрозой: "Угол в классе давно пустует и уже заскучал!" Очередная записка – "Гусь лапчатый!". Я не выдержал и хлопнул смехом. Поражение в игре, и как следствие контрибуция – носом в угол. Скучно стоять. Может почудить немного? Сначала сильно зачесалась ягодица справа, тут вдруг слева. В классе зашептались, вот и смешинки. Работает! Представление начинается. Изобразил обезьяну: зачесал под мышками, будто немного приседая от удовольствия. Класс прыснул и тут же замечание! Тихо, тихо полез в карман за красной повязкой дежурного. Аккуратно, украденным мелком с доски, нарисовал на ней белый круг и пристроил на левое плечо. Приладив два пальца на верхнюю губу, скорчил классу злобную физиономию. Фюрер в профиль получился отменным. Класс смеялся. Улыбалась и учительница, выставляя артиста за дверь. Примерно лет через шесть или семь, после нашего выпускного, Галина Сергеевна там же за дверью давала мне свой последний совет. Очки учительницы сползли на нос. Я любил ее ироничный взгляд из-под бровей:

– Послушай, я поставила тебе пятерку по русскому и литературе, потому что ты не идешь на медаль. И еще потому, что ты любишь читать. А русского ты пока ещё не знаешь, а вот она идет на медаль – поэтому ей пять, бесспорно. Любишь читать, вот и читай. Пиши письма друзьям и близким. И может быть когда-нибудь твоя пустая голова заполнится настолько, что литература полезет из нее на бумагу. Вот тогда бери ручку и пиши что хочешь. Все, что придет в голову: про стол, про карандаш, про детей, про вчерашний ужин. И каждый день. И твоя память, опыт, фантазии сольются с чувствами, и ты начнешь писать.

– Галина Сергеевна, мне кажется, что сейчас немного получается, вот пишу и чувствую, нравится, все будто вдруг исчезает, и удивительные образы срываются на бумагу!

– Хорошо, напиши, я прочитаю.

– Попробую...

...«Он встречал меня в Шереметьево. Его густая пышная шевелюра опять меня будоражила. Эти карие блестящие глаза снова бережно ласкали мое лицо. Зачем опять меня тянет к нему. Сама себе отвечаю – его романтика. Густая, длинная, тайная, сумасшедшая романтика. Будто инъекции счастья: сердце, бьется, пар в голове, непреодолимое желание и притяжение. И после сразу тоскливый щемящий синдром отмены. И все время так, а все равно ничего не могу сделать. Вот в детстве помню, его романтика выдавливает слезы обиды на ладони и вдруг уже он мягкими губами, в бесконечных поцелуях вытирает их. Вот его романтика стоит под балконом с цветами, опять страстная и нервная. Вот его романтика в юности прижалась головой к моим бедрам в путешествии по Астрахани, подкралась ночью тихими поцелуями к ногам. Вот на берегу Волги его романтика тайно наблюдает за мной, будто сквозь купальник. Вот я вдруг решила смело окунуться в его романтику взрослой жизни, с наслаждением ныряя в

его крепкие объятия. Вот новая весенняя романтика его оголтелых писем с описанием невыносимо нежных чувств. И вот он опять стоит, и я иду навстречу новой романтике. Его необузданная любовь связывает наши встречи в одну цепочку какой-то иной моей жизни. Жизни с ним. Длинный роман с перерывами в пять десять лет. Но вдруг он рядом, и будто вчера только были поцелуи и цветы. Даже «привет» звучит ненужной фразой в постоянной близости влюбленных. Читая толстый роман своей жизни, хочется отвлечься и почитать другую любимую книгу. И новая страница раскрытая сквозняком, с хрустом переворачивается. Какая-то третья полоса событий между нами. Сейчас он перескочил на неё, и протягивает мне свою руку и тюльпаны. Я вытянула руки навстречу и в тепле его ладони опять потеряла волю и тюльпаны ему помогли. Потерянная воля закружилась, закрутилась в сердце и опять отпустила пространство. А он, мягко притягивая меня к себе, не в силах справиться с моим молчанием, продолжал убеждать меня в своих чувствах.

– Я не хочу жить с обрубком нашей любви, я хочу проснуться с тобой рано утром и видеть ту, в которую влюбился когда-то. Ты сегодня как куколка – ухоженная, зрелая, гармоничная. В такую девушку может влюбиться каждый, но каждый любить тебя будет так, как он хочет, с опорой на свои желания. А я люблю тебя настоящую, естественную, разную в любом твоём проявлении. Нет в тебе того, чего я не любил бы, ну нет. И любить тебя буду так, как ты хочешь, чтобы тебя любили.

Он никак не понимал, что я смелая только по другую сторону телефона, могу спорить, иронизировать, соблазнять, скрывать. Но когда он рядом, я охвачена его страстью, его безумием, дикой любовью. В машине я остановила его длинные предложения поцелуем, забирая себе остатки дыхания. Так, ничего не видя вокруг, рассыпав цветы по машине, мы куда то приехали.

– Защищаю свой проект. Поживу немного в Москве. У меня тут все есть, я приготовил. Теперь точно все, потому что и ты сейчас со мной.

Он предложил мне освежиться, опускаясь на колени перед ванной, пробуя температуру воды. Уставшая с дороги, я согласилась. Напенил меня шампунем и начал ласкать, будто моет. Своими красивыми руками он нежно перетирал мягкие волосы между пальцами, гладил плечи, грудь, живот. По спине с водой струились его прикосновения и поцелуи. Мои уставшие подошвы целовал и прижимал к своему лицу. Неторопливо копил свою страсть. Я закрыла глаза и наслаждалась. Завернув в банное полотенце, отнес меня на кровать и, более не сдерживаясь, с лица и шеи начал целовать. Поцелуи потоком лились сверху вниз. Он потрясающе нежно ласкал мою грудь, после беременности она стала гораздо мягче и чувствительнее. Сегодня она потрясающе конкурировала с ощущениями от прикосновений к чистому бутону. Он ласкал меня тем, что было под руками: губы, щеки, нос, язык, дыхание. Ласкал все, что попадет под руки. Я неумолимо двигалась к самому желанному. Его бархатная кожа окружала самую жизнь. Дотронувшись, я не могла уже отпустить его. И я пустила всю его нежную, страстную, сумасшедшую любовь в своё сердце. Он прижал меня одной рукой сплетенных пальцев к своей подушке, контролируя вес на другой. Не прекращая целовать лицо, волосы и грудь, он продолжал наполнять меня своей любовью.

– Ложись полностью, не бойся, я хочу чувствовать всего тебя!

Вот он уже прижался грудью к моей спине, повернув меня на бок. Шея наслаждалась горячим дыханием, спина упиралась в его тело. А сумасшедшие пальцы помогали чувствовать любовь его жизни. Теперь я владела им, отдавая свою красоту его глазам. Как он смотрит на меня. Боже, как он смотрит. Как невыносимо приятно проникает его взгляд в мою душу. Какие огромные и крепкие плечи. Какая глубокая отдача, как он стонет, дышит, двигается и наслаждается моей красотой. Миг, и я смотрю на его красивые крепкие ноги, сжимая руками его бедра. А он продолжал непрерывно и гармонично двигаться навстречу моей страсти, любясь красивой спиной. Я почувствовала, как наливается силой его бесконечность. И сама от

этого стала сильнее возбуждаться. Он больше и больше, крепче и крепче, быстрее и быстрее. Импульсы жаркого счастья плеснули вниз, время остановилось на мгновение в сладкой нирване. И его водопад жизни сладкими струями, напрягая бесконечными импульсами его тела, раскрасил мой живот и грудь. Уставший и счастливый, через несколько минут он опять начал гладить меня своими изголодавшимися руками»...

Я была уже не в силах читать о новой волне страсти. Откинувшись головой на спинку кресла, я закрыла глаза.

Командир самолета объявил посадку в аэропорту Храброво города Калининграда. "Боже, какие сумасшедшие письма!" – выдохнула я и закрыла приложение в телефоне, пытаясь вернуться к мыслям о работе. Как мне хорошо, голова кружится.

Галина Сергеевна поправила очки и приступила к знакомству с моими литературными потугами.

– Ну что ж, довольно откровенно, в литературе это главное, читатель сразу чувствует скованность. Язык хороший, настоящий, тот самый за который в школе можно поставить пять; с авансом я угадала. Вижу признаки начитанности, "Унесенные ветром" Митчелл дополняют впечатления знатокам. Хорошая концовка превращает тайну исповеди в фантазию. И главное, попытка окунуться в чувства другого человека, прожить его мысли. Ведь можешь, зачем тогда переписывали целые статьи критиков целиком, сдавая тематические сочинения как свои? Теперь ты готов писать ей письма. Пиши!

–Спасибо, Галина Сергеевна, что научили меня писать ей письма.

Биология.

Наша староста бежала в класс биологии со школьным журналом из храма – кабинета учительской. Неловко поскользнувшись на глянцевом паркете, Она смешно растянулась на полу, будто устала и вдруг решила отдохнуть. Но журнал. Журнал серьёзно пострадал, а с ним наш класс. Благородная литера "А" разбилась вдребезги. Роковая случайность, какие сомнения, непревзойденный авторитет Её взгляда мягко отводил любые подозрения. В школьной кладовке запасной буквы «А» не нашлось и нам выдали новую литеру "Б". Кошмар, бадяга, мокрый пакетик чая в следующую кружку с кипятком. Вы теперь "Б" – биологический. Это что за биология? Как история или география никогда раньше не открывалась даже из любопытства. И вот я на том уроке, с которого начались мои муки усидчивости. "Ты такой усидчивый, я так тебе завидую! Я так не могу", – смеялись Её глаза напротив. А я, уже влюбленный, не смел перечить и завидовал, чтобы осилить тот объем грамоты за час работы, Ей хватало десяти минут. Зачем Ей усидчивость? Возьмите в руки ее диплом! Ага, не можете, жжется раскалённый пятерками? Такие шедевры усидчивостью не высидишь, только безмерный талант! Мы громко шумели и бесились. Толстый Сашка уже сжимал мою шею железными объятиями. Лицо краснело, глаза ползли наружу, воздуха осталось на несколько секунд. И вдруг он отпустил меня. Я кинулся в ответ и на полпути почувал строгий, тяжелый взгляд Раисы Тольевны. В кои то веки она выплыла из своей подсобки. Это единственная учительница, которой я боялся больше гнева нашей старосты. Моя фамилия в звуках её голоса готовилась к эшафоту. Ноги задрожали, одинокий забытый учебник биологии улыбался с парты, предчувствуя наше близкое знакомство в будущем. В горячей надежде книга ждала сокрушительного вопроса. Нож гильотины медленно поднялся. Стало вдруг душно.

–Какие сосуды называются венозными, какие артериальными?– звякнул резак по шее.

Для человека редко заглядывавшего в учебник, вопрос звучал как испытание святой инквизиции для ведьм. Обреченно понимая, что все кончено, в надежде на последнее желание, я бодро ляпнул первое, что пришло в голову из смысла вопроса.

–Венозные по которым течёт венозная кровь, артериальные – артериальная!

–Садись, болван, два!– и тяжёлый взгляд опустился в журнал.

Двойка пером и прямо на лоб, каленым клеймом, как барану. Гудящая голова опустилась и уперлась выпученными глазами в открытый учебник.

– Ну ты гусь лапчатый! – шептал Сашка: – тут по направлению тока крови к сердцу надо.

– Чего же не подсказал? – подмышки постепенно высыхали.

– Самому страшно, лучше тихо отсидеться, пока она не заползет обратно в свою подсобку.

Теперь, испугавшись мести, я готовился к каждому занятию, читал. Довольный влюбленный учебник биологии светился счастьем взаимности. А Раиса Тольевна все не спешила показываться из подсобки. Постепенно биология стала вливаться в мою жизнь. Учебник отдавал свою любовь с присущей ей настоящей жертвой. Безвозмездно. Постепенно флора и фауна стали разговаривать со мной причудливым красивым языком. Природа стала частью моей жизни. С пытливым любопытством вместе с друзьями я забирался в такие пешие дали, что узнай мама километраж этих путешествий, она подарила бы мне самолет. Настоящий! А мудрая учительница сидела в подсобке и ждала. Я не знаю кому первому пришла в голову идея стать врачами: мне или ей? А Раиса Тольевна все не выходила из подсобки. И вот, наконец Магомет пришёл к горе. Мы стоим в каморке, Ты держишь мою руку в своей и спрашиваешь разрешения научить нас Биологии, так как мы решили связать свою жизнь с медициной.

– В тебе я не сомневаюсь, а этот болван потянет?

– Он очень усидчивый, справится, – толкала меня локтем в бок, а я усердно кивал.

Со школьным учебником я уже крепко дружил, в страхе читая параграфы к урокам биологии, учебник влюбленно смеялся и радовался, отдавая всего себя, своему возлюбленному. И, уступив просьбам старосты, учительница достала из своей библиотеки настоящие магические фолианты с полным курсом школьной биологии. Чары этой книги сами собой вливались в мою голову, я цитировал и переписывал всю ее в свои тетради, боясь упустить хоть смысл или фразу. И биология разливалась по моей душе вселенским потоком. Соединяя железной цепью ДНК прошлое и будущее планеты: от динозавров к сумчатым, от сумчатых к млекопитающим – превращала Библию в смешную палитру выдуманных историй. К концу учебного года я сидел дома у Раисы Тольевны перед горой тестовых работ экзамена по биологии учеников чужой школы. Сегодня судьба предоставила мне возможность свести счеты с этим муниципальным зданием! Построившись в короткие сроки в соседнем районе, она похитила многих моих друзей. Наш класс, как и другие, поделили и тех, кому не повезло, вывели на задний двор и будто расстреляли, насильно переведя всех в новую школу с ближайших от себя улиц. И на самом деле, многих из них я так больше не видел. А сейчас на учительском столе, их лица, знакомыми фамилиями, смотрели на меня. Переправив ошибки всех приятелей, бывших одноклассников, я выставил пятерки. Остальных незнакомых ребят я крестил по заслугам – стелил для себя соломку. И тут передо мной, очередным сюрпризом предстала работа Баранова. Двоечник и лоботряс, ещё с нашей школы, постарался на славу. Его работа сплошная мазня, зачеркнута-перечеркнута, сначала списывал у одних, потом у других, где-то стёрто и исправлено до дыр, вставлено карандашом или другой ручкой. Одним словом – титан. Вот мой шанс! Аккуратно исправляя ошибки, я все поправил как надо. Твердая пять, без сомнений! Получите с уведомлением! Представляю их учительницу с вытаращенными глазами. Надеюсь, и директору будет на удивление приятно взглянуть на лучшего ученика биологии!

Стопочка проверенных тестов аккуратно росла справа. Раиса Тольевна, занимаясь с другим учеником, совершенно не обращала на меня внимания. Изумительное педагогическое чутье блестяще мотивировало самых лучших. Она всегда находила для нас необычные интересные общественные задания. Вот мы и старались. На экзамене по биологии мне достался билет по железам внутренней секреции. Остальные ребята с облегчением вздохнули, считая, что самое трудное испарилось из жизни с этим билетом. Названия гормонов лились из моей головы, будто я сам их только, что выдумывал. Довольная улыбка, строгий взгляд и короткий вердикт: – Молодец, справляешься, а вначале я думала, что ты совсем недотепа.

На последнем занятии по биологии дома у учительницы, мы давали клятву служения медицине. Сомкнув наши переплетенные со старостой пальцы своими ладонями, она произносила аббревиатурой названия аминокислот нашей жизни: АТ- ЦГ. Вместе, навсегда и неделимо. Наши свободные руки лежали на тех самых магических хрестоматиях по школьному курс. Её учебник был целым, почти новым, мой драный, потрепанный, без первых страниц. Меня немного огорчал этот пустяк – но кто чего заслужил, со своей усидчивостью. Я виделся с Раисой Тольевной последний раз в жизни. Трагическая педагогическая судьба и весть о мучительной смерти адреналиновым ножом оставила маленький шрам на сердце. Бодро отвечая на вопросы преподавателя биологии в университете, я старательно прикрывал ту первую двойку у себя на лбу своей ладонью знаний. Оценка пять, что и говорить, я соображал по биологии. С зачеткой в руках я вышел из кабинета и остановился перед зеркалом. Следов старой двойки не осталось, клеймо исчезло.

Спасибо Раиса Тольевна, что научили меня разговаривать с Ней на одном языке!

География.

Гость сидел в уютном мягком кресле в самом центре комнаты учительницы. На журнальном столике стояла полная стопочка ароматной вишнёвой наливки. Предложив мне такое угощение, хозяйка видела сейчас перед собой взрослого, зрелого, самостоятельного мужчину. Но для меня хозяйка всегда была и будет доброй, понятной, заботливой и мудрой учительницей географии. Моя Юлечка, наша Юлечка. И никак иначе. Горячий напиток согревал, понимал настроение. Юлия Сергеевна рисовала с моей дочкой рисунок. Маленький игрушечный город постепенно оживал. Сигналили машинки, шурша шинами, цокали каблучки прохожих, шумели дети, росли высотные дома. Постепенно погружаясь в кресло, я спускаться по лестнице в память. Сначала появился тощий Мишка, наш знаменитый классный карикатурист. Талант, таких художников в столь юном возрасте, я пока не встречал. Рисовал чем угодно: ручкой, карандашом, любыми красками, пикселями на экране компьютера. Из-под его маленького тонкого ножика выходили фигурки забавных человечков, животных и птиц. Даже сама староста натурально завидовала и восхищалась его способностями. Восхищалась мы все. Маленький нарисованный город рос, а я еще глубже погружался в память. Оказавшись на жестком фанерном стуле в первом классе, увидел перед собой свой первый рисунок. Юлия Сергеевна давала нам свои уроки рисования в младшей школе. Всматриваясь в наши печальные затравленные уроками чистописания и политкорректности глаза, принимала очень важное для себя решение. Листочки, новогодние ёлки, скелеты кудрявых детских деревьев, травка и цветочки, наши улыбки и просящие взгляды, помогали ей сделать выбор в нашу пользу. «Звездочки на земле» засветились радостью на её уроках рисования. И вот, наконец, наступил этот долгожданный день, день расставания с нашими кошмарами начальной школы и новой жизнью в педагогической поэме средней школы. Юлечка стала нашей долгожданной второй мамой. Я трепетал на уроках географии, но трепетал не от предмета. Стройная фигура, тонкие нежные аристократические пальчики с красным маникюром, красивый строгий педагогический костюм, оригинальная оправа очков и открытый взгляд карих глаз, смелая прическа в стиле «каре», туфли на среднем каблучке и главный атрибут моего эмоционального вдохновения – большие мужские часы с римским циферблатом. Этот циферблат и обрушился на меня легендой о царе Эдипе. Я представлял ее ладони у себя на лице, поцелуи ее губ у себя на шее, обнимая её сзади, я вдыхал аромат её волос. Она стала моим географом, я стал её влюбленной ученицей. И закружился глобус знаний на оси эротических чувств, передвигаясь радугой климатических поясов от экватора к полюсам. Стрелки часов закружились вперед, провожая взгляд на восток, и обратно назад устремляясь за взглядом на запад. Границы стран превращались в простые линии на карте, расширяя мои представления о жизни. Анхель бросал свои воды вниз с головокругительной высоты Ауюнтепуи, ударами превращая капли в пар. Огромный слон Улуру умирал посередине пустыни Австралии, меняя цвета своей кожи по настроению

солнечного света. С разбега Волга забрасывала свои воды в чашу Каспийского моря, преодолевая пространство широкой Прикаспийской низменности. Невообразимая длина береговой линии Канадского побережья соединяла такие же невообразимые просторы пресных Великих Озёр; пожимая руку России, Канада улыбалась, и Мир сразу узнавал в них родных братьев по климату и хоккею. Фантастические ландшафты Исландии с тугим упорством доказывали суду свою истинную принадлежность планете, в отличие от других мест на Земле. Полторы тысячи метров Башни Дьвола в США своими продольными бороздками снова и снова заставляли биться ученых за открытие тайны своего происхождения. Огромные реки Амударья и Сырдарья с плачем искали в пустыне свою маму Аральское море. Джомолунгма с высоты почти космического полета наблюдала за спором мальчишек и смеялась.

–А ты знаешь, у этой горы есть ещё одно название! – кинул мне вызов толстый Сашка.

–Нет, нету! – ответил я и приготовился к потехе.

Он подбоченился, подобрался, выставил правую ногу вперед, уперся руками в боки, приподнял голову, громко и гордо пальнул:

–А вот и есть! Эльбрус!

Я смеялся, смеялся так, что мог конкурировать с его залившимся неподражаемым звонким смехом. Сквозь слезы, я поправил:

–Эверест! Гусь лапчатый!

–А, да, да! Точно. Эверест. Блин, перепутал!

Полной грудью дышит Земля лесами Амазонки и Конго. Арктика и Антарктика наращивают свои ледяные мускулы в преддверии борьбы с глобальным потеплением и озоновыми дырами; счастливые от того, что дети перестали их путать. Желтая река несет свои воды сквозь большую многомиллиардную страну, и каждый четвертый житель планеты улыбается добродушным желтым лицом китайца. Кейптаун приглашает на обед на вершину Столовой горы, покрытой скатертью плоского облака. Трепещет сердце в страхе и хочется прыгнуть вниз, спасаясь от головокружения при виде дивной красоты и с высоты каньона реки Колорадо. И вдруг, каким то образом оказавшись живым, Большой Барьерный риф бесплатно приютил миллионы бездомных рыбок.

Мы строили электростанции на реке Волге, уничтожая ее экосистемы и тут же их разрушали, спасая осетровых. Борясь с загадками расстояний крупно и мелкомасштабных карт, мы высчитывали километраж от Кисловодска до побережья Черного моря, всего шестьдесят километров туннелей и горных дорог, соединили бы два крупных курортных региона в единое целое. А наши путешествия по Африке, почти настоящие, живые, со слайдами в темноте и сувенирами. Тяжелый брусок черного дерева оттягивал руку, обманывая физику, тонул в воде. Таинственные маски папуасов холодили душу устрашающим видом. Мы перешагивали Нил у самого устья, стояли ногами одновременно на разных полушариях планеты. Мерзли ночью и изнывали от жажды в загадочной пустыне Калахари. Озеро Чад становилось маршем и опять наполнялось, пряча поглубже своих любимых бегемотов. Древний Нил, прорезая пески голодной гигантской жаркой Сахары, кормил своими водами родные берега. Река текла, проводником провожая нас за руку на уроки истории, в древние времена рождения человеческой цивилизации. Гора наших знаний росла, и нарисованный горизонт в тетрадах расширялся с каждым днем. И даже сны помогали. Во сне у доски я отвечал на вопрос билета. Нижнее Поволжье: от Волгоградской области, минуя Калмыкию и вниз к дорогой теперь сердцу Астрахани – дельте Волги. Проснувшись, ясность была такая, что не хотелось учить другие билеты. Я и не учил, и интуиция не подвела. Тот самый билет. Сны не обманывают любовь. И она перетекала от Юлечки к Географии и обратно, сердце разрывалось, и уже невозможно было понять, кого из них я люблю больше.

В это же время, на другом конце Европы, так же как и я, за партой на уроке влюблялся в свою учительницу, мой сверстник, юный Фредерик. Ему повезло гораздо больше, чем мне. Его

первая любовь осталась и единственной. Их сердца соединились, и судьба провела юношу на вершину политического олимпа. Фредерик Макрон стал президентом. И рядом, за его спиной, всегда стоит мудрая учительница. Настоящая счастливая сказка. А у меня случилась трагедия – детская, юная, тайная. Урок математики и новый учитель. Тучи заполняли небо, росли, сгущались, чернели. Хороший учитель, спокойный и грамотный, вел урок, не подозревая, какая буря начнётся в скором времени. Прямо сейчас. Фамилия учителя сверкнула молнией, прогремел гром и за окном хлынул дождь, смывая надежды. Карьера рухнула – президентом мне не стать. Их фамилии оказались одинаковыми. Учитель математики и учительница географии – семья. Я грустил, рассказывая о своем горе Альфреду Нобелю, он хлопал меня по плечу, успокаивал, разделял мои чувства и рассказывал свою историю. Вместе мы вычеркнули математиков из списка претендентов, лишая их денежной премии. География победила в любовном треугольнике. Моё сердце освободилось, приготовилось в ожидании новых чувств. Но познание географии невозможно без путешествий. И тут мой толстый друг Сашка, таинственным шепотом, сыграл со мной очередную злую штуку. Приняв авантюрное предложение, я стал в третий раз заложником. Теперь уже Юлии Сергеевны.

Сосновые шишки летели в Сашку. Я старался, целился, набирал силу броска. Но мазал, опять мазал. Он ловко уворачивался, подзуживал и смеялся. Мы дышали чистым весенним воздухом ореховой рощи. За эти пять дней опасных путешествий сорванцы окрепли, похудели, подросли. Целых пять счастливых дней, по пять часов странствий. Все рощи, обрывы, подземные речные тоннели, дамбы Старого озера, и само озеро, долина горной реки с балками, скалами, поваленными деревьями, родники, лужи и болота, запруды, валуны и крапива были досконально обследованы! Всё радовало пылливый интерес следопытов. Опасность быть обнаруженными придавала какого-то разбойничьего азарта. И сегодня Сашка давал мне уроки меткости, демонстрируя невероятную ловкость. На тот момент он был самым сильным мальчишкой в классе. А наши портфели, брошенные и одинокие, вот уже пятый день валялись в траве, сучая по партам. Мы прогуливали уроки. Для меня это был предельный срок, больше я уже боялся. Опасно попасться. Тем более моя дружба с Сашкой после недавнего происшествия была на карантине. А происшествие из рук вон. Настоящий детектив. И вот следователь, раскрутивший очередной клубок преступлений сидел у нас дома. Прикрыв рукой изъятие улики, Юлия Сергеевна рассказывала о пагубном влиянии преступного мира на неокрепшую детскую душу. Не смея поднять голову, соучастник сверлил дырки в полу, а мама печально кивала головой, слушая рассказ детектива.

Сашкин отец и дедушка разводили пчел. Большая пасака летом находилась в горах, на зиму улья привозили во двор своего дома. Ульев было много, как и мёда. От них я узнал, что такое прополис и перга. Пчелиная семья копошилась, трудилась, латая щели, смазывая ячейки сот прополисом, им же заливали трупы насекомых и убитых пчелиным ядом грызунов. Пчелы-кормилицы бережно и настойчиво кормят с ложечки свою королеву маточным молочком. Рабочие пчелы тщательно прячут мешочки с пергой, заливая их мёдом. Хлеб припрятан, соты заполнены ароматным золотом, ячейки прикрыты восковыми забрусами, всё готово к принятию новой жизни. Маточка сыта и приготовилась создать новое потомство. Готовы и трутни. И вдруг грохот, треск; крыша поднимается, и яркий свет слепит пчелиные глазки. Две большие человеческие руки беспощадно вырывают полные мёда рамки. Пчелы от обиды и ярости сходят с ума и всей семьей бросаются на похитителя. И тут, откуда-то ветер приносит дым. Густой ком, слегка сизый, с непонятным притягивающим ароматом. Дым дурманит, успокаивает, отбивает желание отдавать свою жизнь за семью. Некоторые пчелы даже засыпают и замертво падают на дно улья, добавляя полезного подмора. Таблетки с фенотиразином шипели, булькали, сгорали на дне паяльной лампы. Таблетки необходимы были не только для окулирования потревоженной семьи. Дедушка использовал их и для лечения пчелиных болезней.

Поэтому бережно хранил их в сухом сарае. «А как же на человека может влиять этот дым?» – спросит каждый из нас. Этот же вопрос теребил пытливый Сашкин ум.

Тихонько стащив из сарая припасы дедушкиных таблеток, мы начали свой грандиозный эксперимент. Город утопал в дыму. Таблетки горели везде: в подъездах, квартирах, классах, пешеходных переходах, туалетах, магазинах, автобусах. Люди задыхались на почте и в аптеках. Самый красочный эффект получался в дождевых водостоках пятиэтажек. Заворачивая таблетку в плотный газетный комок, мы поджигали её в трубе. Обратная тяга с реактивным ревом всасывала огонь и дым. Задрав головы, мы зачарованно смотрели, как искры, пепел и пламя взлетают над крышами. На черном школьном рынке эти таблетки были самым дорогим товаром. За них давали даже самые ценные брошюры с фотографиями обнаженных женщин. Эксперимент показывал, что кроме панических настроений у мирных горожан никаких других эффектов не наблюдалось. Параллельно нашему тайному эксперименту началось следствие. Территориально была заподозрена наша школа, потом следствие вышло на наш класс. Видимо кто-то попался. Обыск в классе – и Сашка попался с поличным. Улики изъяли, и эксперимент был насильно закрыт.

Строгость маминого лица сгушалась. Она готовилась вынести вердикт. Я молчал. С каким же наслаждением я вспоминал этот панический эффект. Двери соседей открывались в подъезде.

–Откуда дым, что горит?– спрашивали на этажах.

– Пожар! Проводка горит?! – подливал я масло в огонь.

Шум, топот, ругань, ведра воды, крики в подвале: – «Где то здесь!». Невероятное удовольствие от чувствительных ударов по взрослой серьезности и маленькая горстка пепла с пятнышком на полу от сгоревшей таблетки.

Судья вынес вердикт – арест на пять дней домашних развлечений и строгий карантин на отношения с другом. Следователь спрятал улики в сумочку и направился к зачинщику. Он жил рядом со мной. Да, там могло и до ремня дойти, отец у Сашки был довольно строгим дядькой.

А теперь, если поймают прогульщиков, дело до ремня и у меня могло дойти. Пять дней казался предельным сроком пропуском уроков. Я вернулся в школу и остаточко покашливал. На всякий пожарный случай. А Сашка заигрался ещё недельки на две, поэтому и попался. Чрезвычайное происшествие крупного масштаба – три недели ученик где то бродит, а родители и школа не знают об этом. Наказание грозило строгое. И мой несгибаемый друг придумал хитрую легенду. Невероятно правдоподобную и зрелую. Три пары строгих глаз придавили нас к стульям. Юлия Сергеевна, директор и завуч присутствовали в классе. Смысл Сашкиной легенды невероятно прост и надежен, не подкопаться: – «Меня обидно обзывают, поэтому и в школу не хожу». Вот, жук, попробуй обозвать такого силача! Двинет, костей не соберешь. И вот ключевой вопрос директора:

–Кто обзывал своего одноклассника «Самосвалом»? Поднимитесь!

«Вот гусь лапчатый! И придумал же кличку! Сам придумал и ничего не сказал!» – я не мог поступить иначе, радость крепким канатом дружбы связывала меня с ним, карантины не помогали, наказания быстро растворялись в баллончике с зеленой краской и оставалась в виде дерзких надписей на чистых стенах, по дороге домой вместе с ним. «Мне конец», – думал я, с трудом вставая со стула. И словно вдруг посыпал грибной дождь – ребята вставали один за другим, как грибы – те самые, которых доставали из под плинтуса, те самые, которые через несколько лет несли Её на руках, спасая от мозолей. А потом мы все вместе пообещали нашим педагогам, перед всем классом, больше никогда не обижать ни словом, ни делом «бедного» Сашку. За честность нас конечно простили.

Девятый класс подошёл к концу, всё экзамены пройдены, и мой закадычный друг Сашка исчез. Исчез так же внезапно, как и появился. Я слышал несколько лет спустя, о том, что он работает сапожником. Но это были тяжелые времена для нашей страны, и мы все тогда занима-

лись чем угодно, чтобы прокормиться. Где он и чем занимается сейчас мне неизвестно. Думаю и ему про меня известно столько же. Да и заботы после девятого класса появились совсем другие. Я крепко влюбился в Неё и реальность перевернулась.

Но на этом воспитательная работа Юлечки не закончилась. Я стоял в её кабинете с новой повинной. Опять спасал своих друзей от мук воспитания. Кто-то стащил книгу у школьного спекулянта. Этот кто-то был я, и стащил из озорства, попался на «слабо». Мои два друга, Лешка и Вадик слишком долго торчали, что-то высматривали, вот их и взяли за соучастие. Книгу вернули, а ребят водили на допросы – виновник должен быть пойман и наказан. Каждый день встреча с директором, разговоры с Юлечкой. Ребята держались, не выдавали, но возвращались выжатые, как лимоны. Видимо методы давления набирали обороты. Не выдержал я, и вот стоял с признанием.

–Юлия Сергеевна, знаете, ведь я не называл Сашку Самосвалом, да никто из наших никогда не называл!

–Я знаю, он все придумал, а вы молодцы, разделили вину на всех, спасли товарища от наказания. Хорошая педагогическая поэма выходит у меня. Спасибо вам.

–Юлия Сергеевна не мучьте ребят, это я взял книжку.

–Я вынуждена рассказать об этом директору и твоим родителям.

–Юлия Сергеевна, вы же обещали никому не рассказывать! – расстроился я.

–Сегодня в школе, наказание будет гораздо проще, чем во взрослой жизни. В этом заложен смысл воспитания. А твоё образование и наше воспитание позволят вам завтра сделать наш мир чуточку лучше. В этом глубокий смысл педагогики. Так, что придется потерпеть.

Наказания за свой поступок я не помню, вроде даже на школьной линейке проговорили о вопиющем случае хищения, но разговор с Юлечкой помню как сейчас.

И наступила последняя школьная весна. Как бесконечно долго тянулись школьные годы и как быстротечно они прокатились. Как парадоксы Зенона. Семнадцатилетние подростки прощались со школой навсегда. Последний звонок, отличная погода и шеренги учеников. Первоклашки читают стихи и поздравляют выпускников. Поздравляют нас и учителя. И вот она, самая главная миссия. Все в ожидании избранного. Глаза директора двигались по нашим лицам. Наверняка о каждом из нас она что то знала, и сейчас перелистывала своё внутреннее досье. Само собой вот и мое лицо. А вот моё школьное досье:

«Гнева директора я не боялся. Эмоции Татьяны Михайловны были яркими, резкими, бурными, громкими и от этого немного театральными. Искусственными. Кричала она звонко и чётко, с профессиональной дикцией. Очки её при этом сползали на нос, и она постоянно их поправляла. Она вела уроки английского и наша разведка утверждала, что она спокойный учитель, на уроках совсем другой человек. Может поэтому и не боялся. Стоял в её большом кабинете и не боялся. Это было в первый раз. Второй раз стоял во время революции на уроках физики, но мы стояли всем классом, и вообще не было страшно. А в первый раз меня поддерживала злость из-за вопиющей несправедливости. Прокол в педагогике или уникальная школа жизни – судим вместе.

Получив разрешение выйти с урока литературы, я спустился на первый этаж. Прикрыв за собой дверь санитарной комнаты, я невольно бросил взгляд на потолок. Черные искореженные горелые спички маленькими сталактитами свисали с потолка. Причудливые узоры черной гари украшали весь потолок. Кто-то постарался. Бюджет украшений составлял, по моим подсчетам, как минимум десять коробков спичек. Черная копоть потолочной лепнины овалами, кругами, продолговатыми конусами открывали тайны души неизвестного художника. А может здесь снимали один из моих любимых сюжетов Ералаша, когда бодрый мальчишка обучал пришельцев технике росписи потолка? Еще вчера потолок был белым, а сегодня съемки уже закончились, все декорации бросили, а сами артисты уехали. Под впечатлением я вернулся на урок литературы. На следующий день меня вызвали в кабинет директора. Татьяна Михай-

ловна сверлила меня взглядом, обвиняя в порче школьного имущества. Некий дежурный по этажам видел меня во время уроков в туалете. Вопиющая несправедливость и бессилие скручивали и выжимали мою совесть. Да, я не подарок, я проводил подобные пробы искусства со спичками. Но у себя в подъезде, а не на уроках литературы в санитарной комнате! Но всё тщетно, мне не верили. Родителей в школу и ремонт за их счет. Да, без присяжных заседателей очень тяжело. словно обиженный, потолок моего подъезда кинул свой крик во вселенную, и этот крик, через школьный потолок вернулся на мою голову. Я замкнулся, отрицая вину, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Через несколько дней учительница литературы, иронично извинившись, сообщила, что не может пускать меня на урок, без разговора с родителями. Запретил директор. Какая жестокость! Я продержался несколько дней, сидя под кабинетом и рассказал всё матери. Мне вручили веник и жидкую побелку. Я чистил потолок в школе, да что уж теперь, почистил и в подъезде. Потолки победили! Вот так урок несправедливости! Записал в дневники памяти»

Прочитав об этом эпизоде, директор закрыла толстую папку моего досье. Может сейчас, в эту секунду, всматриваясь в мои глаза, она поверила мне. А может, сработала пятерка по физике?

После революции, целая комиссия педагогов принимала у нас экзамен по этому предмету. Ответив Татьяне Михайловне на дополнительные вопросы, она лично выписывала мне пятерку в журнал. И вот мой момент истины. Директор сделала свой выбор, кивнула в мою сторону: «Выходи», – и посмотрела на своих коллег. Завуч согласно кивнула, Галина Сергеевна кивнула, Раиса Тольевна кивнула, Юлия Сергеевна счастливо улыбалась моим округлившимся глазам. Мне выдали на плечо мальчишку первоклассника с колокольчиком. Мальчишку! А не девочку! Будто Мир отвечает мне на мои странности своими странностями. Подозреваю, что я единственный в России выпускник, тащивший на плече звоняря-первоклашку. Колокольчик глухо бубнил, а Юлия Сергеевна закрывала последнюю страницу одиннадцатилетнего труда своей очередной педагогической поэмы.

Свистящий кипятком чайник, прервал мои воспоминания, возвращая в теплую атмосферу учительского дома. Довольная дочка показывала папе готовый рисунок. Рисунок зеркалом отражал внутренний мир ребенка. Дети в песочнице строили башенки, на детской площадке мальчишки гоняли мяч, парень дарил девушке цветы, машины подмигивали прохожим габаритными огнями, детское солнышко теплым желтым карандашом румянило лица довольным горожанам. Удивительное педагогическое чудо моей Юлии Сергеевны не поддается мышлению взрослого человека. За неполные два часа общения с ребенком, она успела вдохнуть частичку своей творческой души. Через десять лет краски моей дочери рисовали джунгли, Швейцарию, райских птиц, жителей океана, дождь в окне. Ребёнок начал участвовать в художественном оформлении интерьера, дизайне нашего сайта. Художественное училище имени Грекова, ждет свою ученицу после девятого класса. Но это потом. А сейчас Юлечка провожала своего гостя, под присмотром грозных африканских масок, висящих в коридоре. Положив мне по-матерински руку на спину, чуть ниже шеи, она вдруг ответила на мой глубинный тайный вопрос. «Ты знаешь, а ведь она тебя любит». Её авторитет был для меня абсолютен, как если бы об этом мне сказала сама Она. Гвоздём воткнулась долгожданная фраза в моё неокрепшее от потрясений незрелое сердце. На гвоздь повесили табличку: «Любит!». Это была третья, последняя рана. Вот как она почувствовала, что этим летом в августе, я увижусь с Ней?!

Спасибо, Юлия Сергеевна, что научили меня любить!

Глава третья: Он.

Сгущались сумерки. Тянули за собой ночь. Одеялом накрывала она горы, сосны, прозрачные ленты ручьёв. Наш палаточный лагерь ежился, и укрывался этим одеялом. Ночи везло, у неё было одеяло – а у меня нет. И мне предстояло ежиться и мерзнуть до утра, постепенно обрастая теплой густой шерстью. Понятно откуда берутся горные Йети – это одичавшие зарос-

шие туристы. Должен сказать тебе, дружище Иисус, что это был последний день моей свободы. Свободы от любви. И любовь пришла и вдруг теплым ветром высушила запотевшие стекла моей скачущей жизни. Изменила зрение, переключила выключатель со «смотреть» на «видеть». Чуть позже, с наступлением этой ночи в Архызе. А пока я кипел, и крышечка на чайнике чуть слышно гремела. Игорёк заметил:

–Чего ты кипятышься, что случилось?

–Одеяла исчезли, вот и согреваюсь!

–Да ты что? Как исчезли? Ты же сам мне отдал их ночью. Вон они висят на веревке, загорают.

Одеяла тихо набирались солнечной теплотой, готовились к ледяной ночи.

–Как сам отдал! Когда?

–Ночью. Я заглянул к тебе в палатку и спросил пару одеял. Она замерзла! Ты кивнул, я и взял!

Какое невезение, ну почему я спросонья не мог кивнуть «нет», вместо «да». Ладно бы себе взял, но отдать мои одеяла этой «Маленькой Задавке»! Ни за что бы не согласился. Да пусть хоть стучит зубами, чтобы согреться! Мурашек нарастит! «Мне то что?» – пыхтел мой юношеский максимализм. Конфликт исчерпан, холод побежден, дружба спасена. И эта дружба теперь сидит и вместе с нами участвует в новом заговоре. Игра в «бутылочку»! Наверняка придумали девчонки. А что, просто так желающим нельзя целоваться? Жестокие нравы моего детства сыграли со мной злую шутку. Вот и сидят теперь трое «чапаевцев»: я, Игорек и дружба – тренируются. По кругу разложив картофелины девчонок, набиваем руку. И непременно так, чтобы Игорек целовал Её. Получалось плохо, это вам не камнями бросаться! Цена ошибки не синяки или шишки – противный поцелуй! Ночь. Час расплаты за небрежное отношение к Ней приближался. Все расселись по кругу, довольные мальчишки и девчонки ждут выбора стеклянного волчка. Я крутнул. Роковая русская рулетка. Беда! Видимо что-то перепутали в картофельных расстановках. Горе психотерапевты. Передо мной новый страшный выбор: бежать, значит опозориться перед Ней; поцеловать, опозориться перед самим собой. Как обычно выбор мой был из рук вон дурной. Но бежать я не мог. Дурак, опозорился разок и дело забыто. Пускай смеются, но смеялась бы и Она, а тогда это было для меня полное фиаско. И вот раздутое эго начало приближаться к Её лицу. Вдруг какое-то магнитное поле, аура Её головы начали притягивать меня. Появился приятный дурманящий запах волос, лица, дыхания. Ждущие серые глаза, приближаясь, пленили и не отпускали. Глаза сговорились с губами и те вдруг маняще улыбнулись. Мои желания вдруг изменились, голова закружилась от приятных предчувствий. Мальчишечьи глаза были стойко открыты, защищаясь от сердечного дурмана. Мягкое нежное прикосновение к Её губам с закрытыми глазами, медленно и стойко, приятным теплом, разливалось по телу. До самых кончиков пальцев, да что там – до самых кончиков волос! Я на секунду закрыл глаза более не в силах сопротивляться внутреннему морю. Острой нежной струёй ухнуло слева в груди и ручьём опустилось в живот. От этого нового необычного чувства я взбодрился и оторвался от губ. Я схватился за сердце и посмотрел на Неё. Она уже открыла глаза и подозрительно смотрела мне за спину. Я резко обернулся, пока не в силах покинуть Её ауру. Голая пятка Херувимчика юркнула в щель палатки. Ватные ноги с трудом оторвали томное тело. Я бросился догонять шутника. Ангел исчез, растворился в воздухе, выполнив своё предназначение. Я попытался вытянуть стрелу из тела, но она ещё глубже и глубже проникала в сердце с приятным хрустящим звуком. С той секунды я уже не мерз никогда. Руки и ноги всегда теплые, их что то постоянно греет.

Это была моя первая сердечная рана из трех. Одеяла мне больше были не нужны. В мыслях только Её лицо, глаза, губы, тепло; и снова лицо, глаза, губы, тепло и снова... Игорек мне стал понятен со своими заботами. Чапаевцы превратились в декабристов, проиграв более грубой силе. Силе женского обоняния. Что-то случилось со мной после нежного прикосновения

к Её губам. Магия? Фокус? Физика? Генетика? Нет – география! Юлия Сергеевна достойно передала эстафету для горячего сердца.

Постепенно мой мир стал кружиться вокруг Неё. Кружиться Луной вокруг Земли, Землей вокруг Солнца. Она мне стала симпатична. Коварную игру в «Бутылочку» – без сомнений придумали девчонки! Мы мечтали о себе – поцеловал и герой, девчонки знали о нас – поцеловал и слуга. Сильней и сильней росла моя симпатия, обдув лобового стекла работал исправно, улучшая зрение. Прицел моих глаз постепенно начал сбиваться с классной доски на Её профиль, и восстанавливаться обратно, когда Она выходила зарабатывать очередную пятерку. Мне стали нравиться Её ответы, потому, что пленили меня рецептом бархатного голоса, перемешанного с сахаром сладкой широкой улыбки. Потом к моей симпатии магнитом приклеились Её ум и память. Я досрочно выставлял Ей пятерки в журнал, опережая строгих учителей. Она была лучшей, самой лучшей. Золотая медаль уже давно болталась у Неё на шее. Я добровольно нашел Её в своих фантазиях и вручил. Не мог иначе.

Проклятые Итальянцы были невероятно сильны на этом Чемпионате. Они медленно, но верно размазывали своих соперников, двигаясь к финалу. Патлатый Роберто Баджо творил чудеса. Его чудеса на футбольном поле меня не интересовали, я болел за бразильцев. И бразильская школа не оставляла даже мокрого места от своих соперников. Их команды двигались навстречу друг другу, и столкновение было неизбежным. Чудо этого коротконового пижона, заключалось в умении пленить Её интерес, внимание и сердце. Я ненавидел его. Единственный парень в Её жизни, к которому я страшно ревновал. И которого не мог переплюнуть. Ведь он был итальянцем, а Она болела Италией. Мечтала! О ком? Позорная женская косичка, жидкие кудряшки на макушке, счастливый номер десять на футболке, прозрачная растительность на подбородке и эта безобразная серьга в ухе! Взять и обрезать этот куцый «Божественный хвостик» напроочь! Пирату не в футбол играть, а на детском празднике аниматором! Самое место. И вот самое то место он занял на одиннадцатиметровой отметке в 1994 году. Чертов мазила, пальнул по воробьям так мощно, что мяч видимо, приземлился в Бразилии. Прямо в руки бушующих в радости болельщиков бразильской команды. Я плакал от радости, обнимал и целовал экран. А Она со всего маху бросила в телевизор тапком и принялась консервировать подушку солеными слезами. Как же ты мог так промазать! Как! Роберто! Единственный момент в наших отношениях, когда я был по-настоящему на другой стороне баррикад. Футбол был моим предохранительным клапаном, в момент игры, болельщик не думал о Ней. Но золотую медаль бразильцев вернул Ей на шею, и Она не подвела, превратив её в медаль своих достижений.

В остальное время я думал только о Ней. Почти постоянно. И каждый день с утра я искал дорогу к её чувствам. И каждый день, страдая вечером, убивал себя фразой, что Она ничем мне не обязана. А утром чуть дыша, я с нетерпением смотрел в окно, в ожидании Её легкой походки. А Она всё не шла и не шла. Как, почти всегда – опаздывала. Лёха, закадычный друг и сосед, уже давно позабыл меня, убежав на уроки. И вот Она идет в своей умопомрачительной желтой кофточке. И опять позади моего дома, в желании не встретиться со мной случайно во дворе. Слезы навернулись и высохли. Опять всё сначала. Новый день сурка. Цветы, стихи, портфели. Почти с нуля, но все же дальше чем вчера. Я очень высоко поднялся в эти школьные годы. Поднялся до рук. Я с упоением целовал Её мягкие, теплые, сладкие ладони. Чистые пальчики, белые запястья, свежие кисти рук. С упоением я дышал Её дивным запахом, не в силах оторваться. Ощущения Её рук у меня на лице были самыми потрясающими. Поцелуев Она больше не позволяла. Оставался тот один, пока самый первый и единственный. Отменное воспитание, безупречное.

Сегодня, мой друг, я чётко понимаю, что любил в Ней. Чем был пленён. Окруженная людьми, великолепными профессионалами своего дела, Она выглядит как божественно.

Дизайнеры, парикмахеры, массажисты, стилисты, инструкторы по фитнесу, косметологи, семья и просто любящие Её друзья, здорово стараются. Но тогда в моих глазах была совсем другая девушка. Мудрые родители, создавая Её, спрятали самые красивые в мире женщин прелести, под покровами одежды. Спрятали хорошо, надежно, от случайных похотливых взглядов равнодушных самцов. Какой же была Она тогда, когда ещё пряталась от моих пылких юношеских страстей. Ведь именно такой я Её и полюбил, и теперь, побеждая время, всматриваюсь в то самое родное, привлекательное лицо. В милую белую родинку на переносице, в аккуратный стройный нос с овальными розовыми, чуть слышно дышащими отверстиями. Все восхищаются сияющими жемчужинами Её широкой улыбки, путая в ней стоматолога. Но я влюблен в Её белых близнецов под нижней губой. Маленькие сорванцы толкаются, бранятся, дерутся за свои места. Кто то повернулся боком, кто то наклонился, третий выпрыгивает. Вечная забавная толчея, которую я так обожаю, которая так меня радует, особенно когда она ведёт умную беседу. Глаза особое место занимают в моей жизни, о них я расскажу чуть позже. Но ресницы, белые полупрозрачные утренние ресницы. Они специально уступают глазам, чтобы те сияли и смотрелись ещё ярче. Весь образ Её, такой нежный, ласковый хрупкий и маленький, заполнен удивительной живой энергией осязаемого интеллекта, что, сколько не общайся с Ней, всегда будет мало, всегда останется место для новых тем. А какое восхищение, какая любовь к жизни, семье и работе! Эмоция радости выстроила крепкую стену восклицательных знаков вокруг Её судьбы, и только я знаю то слабое место, где большое счастье ищет чуть-чуть недостающей гармонии, и там, тихо и осторожно, я могу попасть на маленькие островки Её живой искренности. Очень мудрая гармония Её красоты, и в поисках этой, невидимой на первый взгляд, гармонии, я влюблялся в Нёе крепче и крепче. Безгранично, как сама Её красота. А теперь, посмотри, дружище, что сейчас? Ты просто ослепнешь с первого взгляда. Какая-то классическая гармония образов. Взгляните. Мой любимый образ джинсовой радуги. Разве это не великолепно! Свет начинает струиться с цвета короткой стрижки. Хитрость такой прически в подчеркивании ярких красок лица. Стройные бровки поднялись над нежным мечтательным взглядом пронизательных серо-голубых глаз. Овал лица и складочки щёк на первый план выдвигают вдруг, ставшие аккуратными, большие губы. Золотые серьги в ушах открыли ещё один секрет. Секрет красивых раковин изящной архитектуры ушей, почти полностью появившихся из под короткой стрижки. Высокий воротник поднимает лицо на вершину женской власти, удлиняя нежную шею. Левая рука спрятала свои пальчики в складках куртки, выставляя интригующее тайной происхождения, золотое кольцо. Правая рука заведена назад, будто для мягкой опоры. Поклонник надумал уже огорчаться с досады, наслаждаться видом руки, но три яркие синие звезды стильной куртки, меняют представления о приметной красоте, выводя её на новый уровень. Уровень тайны модерна. Золотая цепочка удерживает приметную сумочку на правом боку, которая удивительно клейко соединяет куртку с пестрой юбкой. Юбка тремя крупными волнами подбивает тайные желания поклонников. Розовая крапинка, беж, синяя крапинка – легкий образ. И вдруг, как огонь, красный пламень пояса! И последнее чудо этой картины. Милый сердцу профиль отражается в стекле, и новый каскад красоты струится в голову. Картина пахнет, дышит прохладным летом, веет цветами, в глазах рябит от ярких красок. Ну, скажите, кто не ослепнет с первого взгляда? Да каждый встречный – поперечный! Вот какая Она сегодня. Попробуй устоять!

Вторая рана в моём сердце, внезапным капканом захлопнулась ещё в классе литературы. Дружище, ты представляешь, какая сила перемен может вызвать перемена имени. Удивительная редкость, как и сама Она. Яркая, хлесткая, лесная, хищная и одновременно наивно красивая, новая фамилия окончательно завершила сногшибательный образ. Образ успеха, власти и независимости. Она пришла сегодня совершенно другой и теперь уже агрессивно красивой. «Ну, что же, теперь у тебя начнётся новая жизнь с такой яркой, известной, хваткой фамилией», – предположила учительница. Не знаю как у Нёе, но у меня уж точно началась новая

жизнь. Капкан не давал расслабиться, остановится. Я окончательно понял, что влюблен. Серые клетки бешено плясали в диком танце, требуя признания. Пришло время пушкинских цитат:

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Лёгким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошёл.

Какими сложными и трудными казались мне эти слова, произнесенные вслух для Её ушей. Признание в любви. Будто прорыв в науке, и нежная взаимность гарантирована. Размечтался я, и что-то похожее на признание выкрикнул, спускаясь с лестницы. Эффект был впечатляющим, но со знаком минус. То есть абсолютно никаким – ноль. Не первый и не последний, много нас таких, мечтающих! И опять почти все с нуля, все заново. Будильник звенит. Новый день сурка. В поисках другого пути к сердцу. И новая идея, идея победы. Победы над Её сердцем. Твоему вниманию дружнице, рассказываю.

В одиночку мои попытки были тщетными. И я подумал о своих друзьях. Мальчишки и девчонки, окружавшие нас двоих, с легкостью погружали Её в зону комфорта. Ей нравились уроки физкультуры, Ей нравилось смотреть, как мы играли в футбол или баскетбол, настольный теннис. Особенно с того сентября, когда из жаркого лета, на брег школьной линейки вышли «тридцать витязей прекрасных», и закружили головы девчонкам. Наши плечи слегка раздались, рост прибавился, а голоса загудели, обливая девичьи сердца непонятной приятной истомой. Самое время несчастным объединится и сразится за Её сердце. Пусть выберет лучшего, в огне проснувшейся страсти. И случай представился. Наш гениальный физрук решил организовать общешкольный конкурс среди классов: «А ну ка Парни!» Шансы были только в случае победы! У «ботанов» шансов нет, думали богатыри соседних классов. «Любовь творит чудеса, шансы есть», – думал я, всегда подбадривая команду. Нужна была только победа! И мы взялись за дело. Каждый генерал на своем фронте, а потом все вместе в решающей битве. Вот они мои боевые товарищи.

Я опять возился, опаздывал. Леха опять гудел замечаниями. Бодрый, легкий, одетый с иголки, с учебниками в пакете под мышкой, после обязательной утренней зарядки на перекладине, он ждал меня в коридоре. Мои ежедневные крики «Уже готов! Иду!», и голый торс в семейных трусах его привычно злили. Вечный критик, мой моральный Белинский. Если бы не Леха, не его критическая осторожность, я может, был бы сегодня калекой. Я не боялся ничего, первым прыгал с самой высокой вышки в воду; подходил к самому краю голой крыши родного дома; обезьяной влезал на самые высокие, тонкие ветки сладкого тутовника; прыгал с трехметровой стены на гору опавших листьев; взбирался на высоченную стрелу самолета, памятника летчикам истребителям; боролся с огнем сухого осеннего бурьяна на уничтоженном временем кладбище, предварительно мной же и подожженного; я нёсся с самых высо-

ких смертельных снежных горок, совершенно не притормаживая перед автодорогой. И Лехина критика всегда берегла меня, предупреждала об опасности. «Не дури, будь осторожен! Давай не будем? Зачем?». И я берег себя, тайно прислушивался к нему, не выкладывался до предела при встречах с опасностями. Но это было в те времена, пока он сам не влюбился. И тут пришло время мне тарачить глаза на его геройства. Купание в ледяном пруде, третий этаж по водосточной трубе, драки с соперниками за возлюбленную. Но это уже его история. А сегодня, в день решающей битвы, установленная перекладина, была его фронтом. Он подпрыгнул и на секунду повис. Повис ли? Руки стали сгибаться и подбородок начал отсчитывать количество подъемов. Он когда-нибудь, слышал, что такое гравитация? Точно нет. Его тело жило по своим законам. Формула расчета была разбита. Масса была пятьдесят килограмм, а вес? Вес – минус пятьдесят! К двадцатому легкому подъему наши глаза начали округляться, к двадцать пятому некоторым становилось дурно, на двадцать восьмом, когда он спрыгнул, все лежали в глубоком обмороке. Леха лучший! Домашний турник в дверном проеме бил себя в грудь, хвалился своим предназначением.

Гера ласково притронулся пальцем к Твоей спине. «Он опять на тебя смотрит», – шепнул Ей тихо в ухо. Она обернулась, и вовремя. Солнышко на уроке истории смотрело прямо в окна. Она замерла, замерла от того, что почти перестала чувствовать мой взгляд. Но вдруг увидела что-то ещё. Солнце, отражаясь в моих глазах и лице, подтвердило мои искренние чувства влюбленности. Мой «медовый гипноз» впервые прижал Её к стулу. С трудом Она отвернулась, успокаивая свои потревоженные чувства. Спасибо, Звезда, за новую монетку в Её копилке. И Герычу, который как всегда вовремя. На школьном конкурсе «А ну-ка Парни!» он примерял глубокий мешок. Большой серо-коричневый мешок из джута, в котором колхозники носят на базар продавать поросят. Герыч был довольно крупным, статным, сильным парнем, но мешок ему не уступал своими размерами. Кто кого! Покажет состязание! Неловко путаясь в складках, с силой вцепившись в острые края мешковины, утопая в размерах, воин поскакал. Он не слышал гула тяжелых прыжков, криков болельщиков, звонких хлопков Её мягких ладоней. Только стук крови в ушах и громкое дыхание. А соперник гнал, толкал его в спину своей скоростью. И тут, в какую-то секунду, Герыч потерял равновесие. Новый грохот и все ахнули! Но крепкий ратник даже не заметил падения, не пострадал и мешок. Но пол! Деревянные доски спружинили, и с треском ломаясь, ловко выкинули гонщика на дистанцию. То самое чудо, в которое я верил! Благо противник на повороте замешкался и пропустил моего товарища вперёд. Победа большого человека в большом мешке! Правда, ценой разрушенного деревянного пола. Но на войне, как известно без потерь не бывает. Гера, Gera, Nera, Hero. Непобедимый Геракл.

Я всегда завидовал его храброму сердцу. Вот и в это мгновение нашей с Ней встречи. Звонок. Короткий разговор и Она передала мне трубку. Что поделать, Роковая Женщина, рубит сердца в капусту. Ты поговорил со мной и понял, с кем Её сердце. Достоинно принял мою победу. Хотя любил Её не меньше моего. А потом приехал резать себя по живому, прощаясь с ней. Огромный букет алых роз, спелых, ярких, бархатных, как твоя точка в отношениях. Шикарный букет, настоящий, как любовь. Не то, что мои дурацкие максимы Ремарка. Вдолбил себе в голову его художественные правила: цветы любви должны быть выращены самим в саду, собраны на природе или, в крайнем случае, украдены у соседей. Вот и получались мои букеты гораздо скромней. Я бы так не смог – взять и отрезать! Делил бы Её сердце с любимым, до конца, как Тургенев. Но ты из другого теста, крепкий фрукт. И букет твой, невообразимых размеров, потрясюще красив! Я кисель рядом с тобой.

Макс прыгал на стадионе, разминался. Руки-мельницы двигались по кругу, разрезая воздух. Длинные, как у великана. Давит руку на себя, уменьшая рычаг, чуть заворачивает кисть и всё, твоя рука прижата к столу его крепкой ладонью. Опять я просвистел. Думаю, Она и сама

знает силу его объятий, ведь Макс тоже был в списках поклонников. Вот везло Ей на ребят! Когда железная болванка сидела у него в руке, остальные напрягались, какие результаты будут сегодня? Обычно попыток было три и результатов тоже три: очень далеко, сверх далеко и ультра далеко. Даже самая лучшая моя гранта не дотягивала до его худшего случайного броска. В нашем классе по этой части он был непобедим. Иногда его траектория была такой высокой, что не хватало длины стадиона. От бомбежки, прохожих спасала только оградительная сетка. И вот его третья, лучшая попытка. Граната рукояткой застряла в сетке. Физрук фиксирует заступ. Злодей, подыгрывал своим балбесам, спортсменам из другой команды. Но ничего, второе место тоже хорошо. Признаюсь и я по отношению к Максусу однажды выступил в роли несправедливого злодея. Бесовская врожденная хохлацкая спесь и на этот раз опозорила меня перед всем классом. На какой-то перемене, Макс так раздражил Её, что девчонка уткнулась лицом в парту и разрыдалась слезами от обиды. Сам не свой я вскочил со своего места и двинул его промеж лопаток. Глаза мои горели, ноздри бизона со свистом раздувались. Какой позор эта моя ярость. С трудом товарищ успокоил мои руки, не доводя дело до драки. Повезло мне, выйди один на один, его мельницы разделались бы с моей яростью за две минуты. И ярко светились бы два сизых фонаря вокруг глаз; вечером, под балконом, приглашая Её на свидание.

Мы смотрели на Сержа с недоумением. Ну, какая стрельба с его минус шесть или четыре? Но глаза за стеклами его очков были абсолютно уверенны. «Точно! Я справлюсь! Бью без промаха!». Серж всегда радовал нас свежими анекдотами. Вот и сейчас свежий анекдот про биатлон и мишень. Он взял пневматическую винтовку и уверенно оттолкнул нас. В этом смысле Серж был львом, он тихо и лениво сидел в тенёчке и читал свои книжки. Запоем. Он был самым умным и интересным человеком в классе. Однажды я услышал от кого-то ответ на вопрос статистики «чего больше всего ценят женщины в мужчинах?» – «самое ценное чувство юмора!» Это точно про него. Все девчонки были всегда от него в восторге. Гуру юмора. В шахматы он играл как Бог, только Герыч, тренированный в шахматном клубе, иногда ему сопротивлялся. Гуру интеллекта, Гуру IQ. А потом я узнал ещё о более важной социальной силе успеха. Это сила Эмоционального интеллекта – EQ. Десять лет после университета, покинув на время традиционную медицину, я намерено занимаюсь развитием этих навыков. Тренинги продаж, эмоциональные тона, бизнес планирование, тайм менеджмент, управление персоналом, тимбилдинг, развитие сотрудников до этапов делегирования, управление референцией, возрастные кризисы, психосоматика, базовые основы успешного воспитания; всё то, что сделало окружающих меня людей как открытую книгу; ничто по сравнению с его эмоциональными способностями. Каким бы популярным я не был бы в компании друзей, особенно девушек, когда в мой дом заходят его худощавые ноги и его голова начинает говорить и смеяться; как и во все времена, с нашего первого знакомства; я понимаю, что все мои знания ничего не стоят. А девчонки ещё пару недель вспоминают его потрясающую харизму. Гуру харизмы. Мой Гуру. И как только у этого ленивого, сытого льва появляется цель, становится понятно, кто здесь царь зверей! «Я справлюсь!» – сказал лев, тряхнул гривой и уверенно пошел на огневой рубеж. Никто из нас не сомневался в поражении. Он снял очки, и окончательно добывая нас этим жестом, принялся целиться. Он щурился, скрипел зубами, кривил рот, жевал губы. Дыхание замерло. Стук сердца. Пауза. Выстрел. Десятка! Новый цикл. Выстрел. Девять! Ещё три выстрела и все в Десятку! Серж лучший! Он натянул очки на нос, сунул нам винтовку и молча пошёл в свою тень, отдыхать дальше. Сколько было теорий, остановились на основной – просто Серж дальнорский! Через десять лет в университете я узнал, что дальнорский не видит ни вблизи, ни вдали. Как он стрелял? Еще через десять лет, я узнал, что стендовая стрельба улучшает зрение. Приводит даже от «минус» четырех к «единице». Но за такой короткий срок это невозможно! Как же он стрелял? Сегодня, я наконец понял, как. Он стрелял сердцем. Он был самым зрячим из нас, и звали его в те мгновения не Серж, а Василий. Василий Зайцев, замерев без движения

на несколько часов, исчезнув в пыли и грязи разрушенного Сталинграда, уничтожал десятого вражеского снайпера на пути к победе. Так и у Сержа – перед ним был враг, сзади Волга, а сердце защищало Сталинград. По-другому ему ну никак не попасть! А вот по части письменной литературы, Серж удивлял в другую сторону. Пропустив все мыслимые сроки сдачи сочинения, тяжело опустив голову за взглядом в пол, он выпрашивал последний шанс. Сутки, не более, или двое – двое! На следующий день из портфеля вылезает жиденькая желтая тетрадка и медленно сдается в руки учителя. Очки Галины Сергеевны медленно сползают на нос: – «Это что?» ироничные глаза из под бровей демонстрирует классу тетрадь. Пьяные буквы расползлись по строчкам как попало, печатные дерутся с прописными, некоторые совсем упали и лежат без памяти, другие еле стоят на тетрадных линиях, третьи повисли вниз и еле держаться одной рукой. Толпа в другом месте прижала буквы к красной строке, одни иероглифы от этого лопнули, другие руны раздавлены и чернила капают на головы нижним каракулям. Запятые, точки стоят просто так, где попало, будто беспризорники. Страница переворачивается, и картина уже повторяется на развороте. Революция, борьба белых с красными! Класс печатных босяков против класса прописных аристократов и жертвы их борьбы. Ещё поворот страницы, а там пусто! Пусто! Полтора страницы сочинения на «Тихий Дон»! А норма в три с половиной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.